Елена Эйхен

Как отвязаться от РЕКТОРА и (не)влюбиться

Елена Эйхен

Как отвязаться от ректора и (не) влюбиться

«Автор»
2026

Эйхен Е.

Как отвязаться от ректора и (не) влюбиться / Е. Эйхен — «Автор», 2026

В первый же день в магической академии я умудрилась совершить три непростительные ошибки.Починила проклятый артефакт. Случайно привязала к себе ректора. И нахамила ему на глазах у всей академии.Теперь его магия течёт в моих венах. Мы чувствуем друг друга даже тогда, когда отчаянно пытаемся этого не делать. Особенно неловко, когда я принимаю горячую ванну, а ректор вдруг требует открыть все окна в своём кабинете.Никто не должен узнать о нас. Иначе мы оба потеряем всё и можем даже погибнуть.Вот только с каждым днём скрывать связь становится всё труднее.

© Эйхен Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елена Эйхен
Как отвязаться от ректора и (не) влюбиться

Глава 1

В день, когда я поступила в академию я случайно украла сердце у самого опасного мужчины королевства.

В своё оправдание скажу: я не нарочно.

Дилижанс высадил меня у ворот Аркенхольма в дождь и укатил, пока я вытаскивала чемодан из лужи. Чемодан весил больше меня. Я уложила в него отцовские инструменты, запасную рубашку и всё, что осталось у семьи Торн после того, как у отца отозвали лицензию. Ещё у семьи Торн остались долг в сорок крон и я. Мне исполнилось девятнадцать, я вдруг стала последним шансом для семьи, и у этого шанса прямо сейчас хлюпало в башмаках.

Я поволокла чемодан через двор, по брусчатке, которую дождь отмыл до блеска. Под навесом у стены рыжая девушка с ящиком на ремне торговала перьями.

— Запасные перья! Для тех, кто сломает своё на первой формуле! Три медяка, первокурсникам пять!

— Почему первокурсникам дороже? — спросила я.

— Потому что первокурсники чаще ломают. — Она оглядела мой чемодан. — Тебе шесть. Медяк за место под навесом.

Через весь двор вилась очередь на регистрацию. Во главе её юноша в сюртуке, застёгнутом до подбородка, сверялся со списком.

— Очередь строится по алфавиту, — сообщил он, глядя на меня поверх очков. — Фамилия?

— Торн.

— Перед Уиллоуби. — Он поставил галочку. — Персиваль Ларк. Слежу за порядком.

— Кто вас назначил?

— Я сам себя назначил. Кто-то же должен.

Уиллоуби оказалась девушкой с перьями. Она пристроилась за мной, водрузила ящик мне на чемодан и протянула мокрую ладонь.

— Тэсса. Раз мы соседи по алфавиту, тебе за четыре.

Я купила перо за четыре медяка. Первая сделка в Аркенхольме, и я уже была в убытке.

У подножия главной лестницы за столом регистрации скучал секретарь с чернильными пальцами. Рядом с ним оплывала свеча с насечками, и огонёк подбирался к последней.

— Подпись на каждом листе, — сказал секретарь и подвинул ко мне стопку. — Для допуска к испытанию нужна подпись на каждом.

Я взгромоздила чемодан на край стола, чтобы достать перо для магической подписи. Замок щёлкнул, крышка откинулась, и инструменты посыпались на каменный пол: ключи, щупы, пинцеты, отвёртки и моток медной проволоки, который покатился под ноги всей очереди. Очередь грохнула смехом. Персиваль что-то себе записал.

Я опустилась на колени и принялась сгребать всё в подол. Рядом со мной оказался седой господин в тёмном сюртуке. Он поднял отцовский ключ, тот, что с вилкой на конце, и повертел его в пальцах.

— Камертонный, — сказал он. — Таким настраивают контур. Их давно перестали делать.

— Это моего отца.

Он перевёл взгляд на крышку чемодана, где облезлой краской было выведено «А. Торн, починка, Тёрнбрук».

— Слышал о нём. Хороший мастер.

— Был. Летом у него отозвали лицензию.

— Какая жалость. — Он вложил ключ мне в ладонь и сжал мои пальцы поверх него. — Юные гении всегда приезжают с багажом тяжелее себя. Верная примета.

— А вы кто?

— Председатель совета. — Он поднялся и отряхнул колено. Персиваль у меня за спиной вытянулся и выронил список. — Старик, который любит смотреть на новые таланты. Подписывайте, свеча догорает.

У него были тёплые глаза и приятный голос. Я сунула ключ в карман и подписывала лист за листом, пока свеча оплывала до последней насечки. На седьмом листе в углу стояло «12-бис», ниже тянулись пункты мелким шрифтом, и седьмой уходил под сгиб. Я вывела петлю на «Т», сгребла свои копии и затолкала их под подкладку чемодана, туда, где отец хранил квитанции.

Председатель совета уже поднимался по лестнице. Секретарь вытянул из стопки на столе седьмой лист, на котором ещё не просохла моя подпись, вложил его в отдельную папку и ушёл наверх следом.

Я решила, что так положено.

Ударил гонг, и я отправилась в зал испытаний.

Нас рассадили по алфавиту, так что Тэсса снова оказалась рядом и первым делом разложила на скамье свой товар. Комиссия восседала на возвышении в дальнем конце. Мне достался короткий билет: «Выведите формулу устойчивости замкнутого контура третьего порядка».

Я помнила только дробь, которой эта формула заканчивалась. Отец собирал такие контуры на кухонном столе, на слух, а за формулами ходил к соседу-учителю.

Я написала: «Не знаю». Подумала и приписала: «Но могу собрать».

Тэсса заглянула ко мне в лист и подавилась смехом.

В углу зала за бархатным шнуром возвышался громадный шар из латунных колец. Кольца вращались, каждое вокруг своей оси, а в середине светилось янтарное ядро.

— Сердце Аркенхольма, — шепнула Тэсса, проследив за моим взглядом. — Достали из хранилища к нашему набору, выставили для важности. Говорят, оно связано с ректором. Он чувствует каждую трещину. Если с Сердцем что-нибудь случится, ректор узнает первым.

— Какой ректор?

— Мор, — одними губами ответила Тэсса. — Ещё увидишь. И лучше бы тебе в этот момент сидеть тихо.

На всякий случай я выпрямила спину и закрыла рот.

Секретарь с чернильными пальцами двинулся между рядами, собирая билеты. У шнура он обернулся, чтобы поклониться комиссии, и задел Сердце локтем.

Третье кольцо подпрыгнуло. Гул сорвался на визг, ядро вспыхнуло белым, и по кольцам побежал огонь. И прежде чем я успела вообще что-то понять, огонь перекинулся на стены, на гобелены и потолочные балки. Кто-то закричал. Комиссия в полном составе нырнула под стол. Студенты полезли под скамьи, и Персиваль из-под своей громко зачитывал порядок эвакуации.

А я смотрела на Сердце Аркенхольма. Одно кольцо перекосило, и оно цепляло остальные. Вот почему всё пошло вразнос! У отца в мастерской я выправляла такие перекосы с тех пор, как дотянулась до верстака. Надо просто вернуть кольцо на место.

Просто. Ага.

Я набросила на себя защиту и бросилась к Сердцу.

Жар ударил в лицо и разбился о щит. Над головой трещали балки, гобелены на стенах скручивались и осыпались чёрными хлопьями. Из-под скамей мне что-то кричали. Я не разобрала.

Сунула руки прямо в сияние. Защита зашипела, запястья обожгло даже сквозь неё. Сердце рвалось из рук и сыпало искрами. Я нащупала перекошенное кольцо, вцепилась в него и потянула.

Оно не поддалось.

Отец учил меня: сначала слушай, потом стучи, а думай в самом конце, когда всё уже работает. Думать я и не собиралась. Я била по кольцу ребром ладони, пока оно не дрогнуло и не село на ось.

Сердце загудело ровнее. На миг мне показалось, что всё в порядке.

Потом его тряхнуло, и под пальцами рванулось самое тяжёлое кольцо. Я поймала его второй рукой. Теперь я держала оба, и оба вырывались.

Из нагрудного кармана выскользнул камертонный ключ отца. Звякнул о край Сердца и пропал в огне.

Защита истончалась. Жар добрался до шеи, запахло палёным. Пальцы немели. Мне нужна была третья рука. Или чудо. Лучше и то и другое сразу.

И тут чьи-то ладони легли поверх моих.

Я вздрогнула. Кто-то стоял у меня за спиной, вплотную, и огонь вокруг нас отхлынул к стенам. Его пальцы оказались прохладными, и после пламени это было спасением.

— Немедленно уходи, — сказал он мне в затылок. — Оставь мне эту проблему.

По спине побежали мурашки.

Он перехватил строптивое кольцо одной рукой. Сердце дёрнулось под нашими ладонями в последний раз и затихло. Гул выровнялся. Пламя на стенах опало.

Я вырвалась и обернулась.

Пришлось задрать голову. Он был высоким, в рубашке с закатанными рукавами. Рубашка промокла насквозь и липла к плечам. Предплечья чернели от сажи. Тёмные волосы падали на лоб.

— Спасибо, — сказала я. — Но в следующий раз предупреждайте, прежде чем хватать человека со спины. Я могла испугаться и сорвать контур.

Серые глаза сощурились.

— Вы могли сгореть. Кто позволил вам приближаться к сердцу?

— Не сгорела же.

— Чудом.

За спиной зашуршало. Из-под скамей одна за другой показывались головы. Студенты выползали на четвереньках, кашляли и стряхивали пепел с мантий. Кто-то нашёл свою туфлю, кто-то чужую. Гобелены на стенах дымились. Моё перо, купленное на последние медяки, укатилось к самому порогу, и про него теперь можно было просто забыть.

Из-под стола комиссии высунулся экзаменатор. Парик съехал ему на ухо.

— Господин ректор! Эта студентка… Она не имела права…

Вот оно что…

Ректор Аркенхольма. Самый сильный маг королевства. И я только что отчитала его за то, что он схватил меня со спины.

Ему было чуть за тридцать, но для ректора он выглядел возмутительно молодым.

Ректор поднял ладонь, и экзаменатор нырнул обратно под стол.

Потом ректор наклонился и поднял с пола листок. Мой билет. Он пробежал глазами единственную строчку, которую я успела написать, и уголок его рта дёрнулся в ухмылке.

— «Не знаю», — прочитал он вслух.

По залу прокатился смешок. Уши у меня вспыхнули. Вообще-то, я только что пожар потушила, а он… Ну или почти потушила.

— Теорию контуров вы не знаете, — сказал ректор. — Зато руки в Сердце академии суёте без спроса.

— Если бы я не сунула, оно бы рвануло!

— И вы вместе с ним. — Он повернулся к комиссии и больше на меня не смотрел. — Экзамен не сдан. Пересдачи не будет.

Я открыла рот, но слов не нашлось. На глаза навернулись слёзы.

Он бросил билет на стол комиссии и пошёл к дверям. Студенты расступались перед ним и вжимались в скамьи.

Я попыталась спасти сердце Аркенхольма, а мое собственное колотилось от обиды. Оно сбивалось в такт шагам ректора.

На пороге ректор остановился. Медленно поднял руку и прижал ладонь к груди. Прислушался и… побелел.

Он обернулся. Пересёк зал в несколько шагов, и остановился так близко, что мне снова пришлось задрать голову.

— Верните, — тихо сказал он.

— Что?

— Моё сердце.

Глава 2

— Я ничего у вас не брала, — растерянно сказала я.

В глазах стояли слёзы, и я сердито их сморгнула. Плакать перед человеком, который только что выставил меня из академии, я не собиралась.

Взгляд его опустился и замер там, где под мокрой рубашкой у меня стучало. В другой день я бы влепила ему пощёчину. Сегодня мне было не до пощёчин: в том месте я и правда чувствовала что-то чужеродное. Это что, серьезно его сердце?

Когда я слышала о подобном, но чтобы это случилось со мной…

Ректор отступил, потом ещё. С каждым его шагом странный стук становился слабее.

Он поднял ладонь. Над ней загорелся белый огонёк, мигнул и тотчас погас.

Ректор посмотрел на пустую ладонь. Он произнёс что-то одними губами, и мне показалось, что я отчётливо услышала его голос в своей голове: «Только не снова».

Да как такое возможно?

— Имя, — пророкотал он.

— Ивлин Торн.

— Торн, — повторил он. — Отойдите от экспоната.

Я машинально шагнула в сторону от сердца академии.

— А ваше… Что мне делать…

— Не здесь.

Он развернулся и направился к столу комиссии, откуда снова выбирался экзаменатор, ощупывая опалённую бровь. Тэсса перелезла через шнур, взяла меня за локоть и увела к стене. Там она молча вытерла мне руки своим рукавом. Потом она впишет этот рукав мне в счёт, в этом я даже не сомневалась.

Я прислушалась к себе. Чужое сердце стучало еле слышно, но стучало.

Ректор что-то говорил комиссии. Председатель кивнул. Потом развернул билет, уверена, что мой. Потом снова кивнул.

Ладно, я уже поняла, что меня выгонят. Но неужели ещё и накажут? Что там может быть? Изгнание на границу королевства, заточение в подземелье. Да бесконечно можно перечислять.

Председатель поднялся, похлопал по столу и явно собирался что-то сказать. Но меня по спине пробежал холодок.

— Студентка Ивлин Торн зачислена, — неожиданно объявил он.

Сначала я решила, что ослышалась. Но шло время и больше ничего не происходило.

Вдоль стен зашептались.

— Ивлин Торн из Тёрнбрука зачислена на первый курс под особый надзор Попечительского совета. Студенты, можете расходиться, — добавил председатель. — Кассиан, хорошего дня.

Кассиан. Выходит, у ректора было имя. Да и как его могло не быть.

Я выдохнула и разжала кулаки. Скорей бы он ушел, чтобы я могла выдохнуть.

Ректор встал, и зал замолчал. Он приблизился ко мне, и когда все начали расходиться, тихо сказал:

— Вас приняли по недоразумению, Торн. — Это исправят в ближайшее время. Как только станет возможно.

Щёки у меня вспыхнули, пальцы похолодели, и ответ вылетел раньше, чем я успела подумать.

— То за руки хватаете, господин ректор, то выгоняете. Определитесь.

Прозвучало так себе. А те, кто еще не успели покинуть аудиторию, грохнули хохотом. Кто-то свистнул в два пальца. Тэсса закрыла лицо ладонями.

Ректор задержал на мне взгляд, и у него на скуле дёрнулась мышца. Потом он повернулся к женщине в сером и протянул руку.

Она подала ему перо и придержала лист, чтобы ему было удобно подписать. Волосы у неё были гладко зачёсаны, воротник застёгнут до самого горла. Пока он расписывался, она посмотрела на меня и что-то подчеркнула с нажимом.

— Леди Ровена Эшкрофт, — шепнула Тэсса мне в ухо. — Помощница ректора Мора. Здороваться с ней надо первой и с поклоном.

Из зала я вышла с прямой спиной. «По недоразумению». У отца в мастерской на это было слово короче. Так он называл деталь, которая не встаёт в паз, как её ни подгоняй. Бракованная.

По коридору шла, не глядя по сторонам, хотя чужие взгляды чувствовала спиной. На лестнице навстречу поднимались двое старшекурсников, и я прошла мимо с высоко поднятой головой.

На следующем пролёте никого не было. Там я села на ступеньку, уткнулась лицом в колени и заплакала.

Отец говорил, что слезами делу не поможешь. Хочется плакать — поплачь, умойся и возвращайся к работе. Обычно мне хватало нескольких минут. В этот раз понадобилось больше.

***

Нам с Тэссой дали одну комнату на двоих. Алфавит и здесь всё решил за нас.

Когда я вошла, Тэсса ползала по полу с куском мела. Белая черта уже пересекла комнату и забиралась на дверцы шкафа.

— Левая половина твоя, — сказала она, не вставая с колен. — Верхняя полка в шкафу тоже, но я готова её выкупить. Три медяка в месяц.

Потом она подняла глаза, увидела моё лицо и протянула платок.

— Бесплатно. Первый и последний раз.

Я высморкалась в бесплатный платок и села на свою кровать. Чемодан стоял у ног. Я положила ладонь на крышку, туда, где облезлой краской было выведено имя отца.

К ужину Тэсса знала про меня всё.

— Тёрнбрук, — доложила она, не отрываясь от зеркала. — Отец артефактор, летом у него отозвали лицензию, долг сорок крон. А ещё ты нахамила Мору при всём наборе, чинишь на слух и плачешь на лестнице.

— Откуда ты знаешь про долг?

— Из листа со сведениями о семье. Я стояла сразу за тобой, а ты медленно подписываешь.

— А про лестницу?

— Нос у тебя красный. А по дороге от зала до нас есть лестница, на которой плачут все.

Она раскрыла толстую тетрадь в клеёнчатой обложке. Наверху страницы было выведено: «Кого отчислят первым». Ниже тянулся столбик фамилий со ставками. Свою я нашла почти в самом верху.

— Почему так высоко?

— Ты нахамила ректору, зато починила Сердце. Одно гасит другое, иначе ты была бы первой. — Она провела пальцем по столбику. — Пока первым идёт Додд. Он проспал испытание. Вместе с пожаром.

— И кто на это ставит?

— Все. — Тэсса захлопнула тетрадь. — Ты тоже можешь. На себя ставить разрешаю, это даже трогательно.

Перед ужином весь первый курс собрали в коридоре нашего крыла. Голос раздался прямо из стены над лестницей, сухой, с паузами ровно там, где нужно.

— Бартоломью, дух-регистратор Высшей школы прикладной магии Аркенхольм. Фиксирую нарушения устава. Внимание всем. Статья двенадцатая.

Персиваль, который записывал всё, что слышал, раскрыл блокнот. Стена подождала, пока он приготовится.

— Непрофессиональная связь преподавателя со студентом влечёт отчисление студента и Отсечение преподавателя.

Первый курс зашептался.

— Отсечение — это когда выжигают дар, — объяснила мне Тэсса. — Весь, до донышка.

Я вспомнила человека, который держал мои руки в огне, а потом проголосовал против меня, и решила, что статья двенадцатая написана для кого-то другого.

— Примечание к статье двенадцатой, — продолжала стена. — Настоящая статья…

Внизу ударил колокол к ужину. Первый курс сорвался с места и бросился к лестнице. Персиваль бежал последним и дописывал на бегу. Тэсса потянула меня за рукав.

— Двести лет, — сказала стена нам вслед. — Двести лет одно и то же.

После ужина у доски объявлений толпился народ. Тэсса протолкалась вперёд, прочитала и обернулась ко мне с таким лицом, что я полезла следом.

«Решение Попечительского совета. За ущерб, причинённый экспонату "Сердце Аркенхольма", студентке И. Торн назначается отработка при реставрации экспоната в ректорской башне. Начало сегодня после отбоя. Надзор: ректор лично. Председатель совета Г. Валлак».

— За ущерб? — возмутилась я. — Я его починила!

— Вы его трогали, — сообщил Персиваль у меня из-за плеча. — Экспонаты трогать запрещено. Так написано на табличке.

— Там всё горело!

— Табличка тоже горела. Но она там была.

Тэсса уже вписывала в тетрадь новую строку. Я прочитала через её плечо: «Вернётся ли Торн из башни до рассвета». На «нет» ставили охотнее.

Ректорская башня стояла в дальнем конце двора. Лестница в ней вилась так долго, что на середине у меня заныли колени. Первую половину подъёма я твердила про себя «по недоразумению», чтобы прийти к нему злой. На вторую половину мне не хватило дыхания. На верхней площадке из открытой двери падал жёлтый свет.

Мастерская занимала целый ярус под крышей: верстаки, тиски, полки с банками, круглые окна. Посередине стояло Сердце под чехлом, его успели перенести сюда из зала. Ректор работал у дальнего верстака при лампе. Он был в одной рубашке, с закатанными рукавами и расстёгнутой верхней пуговицей.

Он поднял голову. Потом застегнул пуговицу.

— Вы опоздали.

— У вас слишком много ступеней.

— Ровно столько, чтобы желающие успели передумать. Вы не передумали. — Он кивнул в другой конец мастерской. — Стол у окна. Каталог повреждений. Почерк разборчивый.

Стол у окна стоял дальше всего от его верстака. Дальше можно было сесть только на карниз.

Я раскрыла черновик каталога, обмакнула перо и начала переписывать. Первой строкой шло «Кольцо третье, смещение оси», за ней «Ядро, трещина по экватору», а страницей позже я наткнулась на запись «Следы пальцев студентки на всех кольцах» и переписала её самым разборчивым почерком, на какой была способна.

Какое-то время мы работали молча. Ректор сидел ко мне спиной, и, когда он тянулся за инструментом, под рубашкой двигались лопатки. Пальцы у него были в масле, и волосы со лба он откидывал запястьем. Я смотрела на это запястье и забывала, что пришла злой. Потом вспоминала, как днём он дышал мне в затылок, и краснела.

Лампа у него на верстаке вспыхнула белым во всю силу.

Он замер. Посмотрел на лампу, потом на меня.

Я уткнулась в каталог и заново переписала строчку про ядро. Лампа понемногу угасла до обычного жёлтого. Ректор отвернулся к верстаку и застыл, держа руки над деталью.

Потом он выдохнул. Выдох сбился на середине, я услышала это через всю мастерскую, и у меня тут же потеплели ладони. Ровно там, где днём лежали его руки.

Я прижала ладони к стеклу, и стекло запотело.

Ректор встал и пошёл к окну на своей стороне. Свет в мастерской задрожал, и я уже не понимала, кто из нас дрожит сильнее.

— Если кто-нибудь во дворе увидит, что в ректорской башне среди ночи мигает свет, — сказал он стеклу, — объясняться перед советом буду я.

Он закрыл ставни, одно окно за другим. У моего окна остановился поодаль и посмотрел на ставень.

— Закройте своё.

Я закрыла. Он запер дверь и опустил ключ в карман.

Теперь в запертой мастерской горела только лампа, под чехлом молчало Сердце, и, кроме нас, никого не было. Я слышала, как он дышит.

Я взяла исписанный лист и пошла к нему через мастерскую. Положить работу на верстак было делом законным: я здесь как-никак числилась переписчицей. С каждым моим шагом лампа разгоралась ярче. Я остановилась у края верстака. Между нами остались лампа и расстояние, которое он, наверное, считал приличным.

— Не подходите ко мне ближе чем на шаг, Торн.

— Почему?

Он повернулся. Свет падал на него снизу, и глаза у него потемнели.

— Потому что я слышу, как у вас бьётся сердце, — сказал он. — И оно бьётся слишком быстро.

Глава 3

— Я поднималась по вашей лестнице, — сказала я. — После неё сердцу положено биться быстро.

— Вы поднялись давно, Торн. С тех пор вы успели остыть над каталогом.

Он положил ладонь на верстак рядом с лампой, и пламя в ней выровнялось.

— Сядьте. До рассвета мы остаёмся здесь.

— Почему до рассвета?

— Раньше привязь не уляжется. — Он кивнул на лампу. — Выйдете сейчас, и фонари во дворе будут гаснуть у вас за спиной до самого общежития. Ночной обход это заметит, и утром совет спросит меня, что случилось с фонарями. — Он взглянул на карманные часы. — К тому же мне нужно многое вам объяснить, а это займёт время.

Я вспомнила тетрадь Тэссы: те, кто ставил на «нет», могли спать спокойно. Потом вспомнила голос из стены над лестницей и статью двенадцатую, и мне стало не до ставок.

— А регистратор? Он обещал фиксировать все нарушения.

— Всё, что сказано и сделано при нём. В ректорскую мастерскую он не входит, так решили основатели. Его журнал начинается за этой дверью.

Я вернулась к своему столу у окна и огляделась. Сидеть в мастерской полагалось на табуретах или на ящиках, а самым невезучим доставался бочонок с песком.

— Почему в ректорской башне все стулья без спинок?

— Чтобы на них работали. Стул со спинкой здесь один. Мой.

Он выкатил свой стул из-за верстака и толкнул его ногой в мою сторону. Стул прокатился через всю мастерскую и ткнулся мне в колени. Я села. Сиденье ещё не остыло после него. Я откинулась на спинку и тут же выпрямилась.

Ректор ушёл к Сердцу и встал за ним, так что между нами оказался весь чехол.

— Привязь, — начал он. — Заякоривание резерва мага в другом человеке. Запрещена королевским законом в тысяча сто четвёртом году, статья сорок первая уложения о практике. Магу назначается Отсечение. Носителя отчисляют и лишают права на лицензию.

— На лицензию, — повторила я.

Ради лицензии я сюда и приехала, и он это знал: на верстаке у него лежала выписка из моего дела вместе со сведениями о семье.

— Для привязи всё должно сойтись разом. — Он загибал пальцы, и ожоги на них блестели в свете лампы. — Дикий дар носителя, якорный артефакт с резервом мага внутри и согласие носителя.

— Дикий дар — это я?

— Вы держите голыми руками контур, формулу которого записываете словами «не знаю». Это и есть дикий дар.

— А артефакт — Сердце.

— Мой резерв вплетён в его контур. Я его хранитель. — Он произнёс это ровнее, чем всё остальное. — Сердце числится обезвреженным. Акт подписывал я.

— Сегодня по нему этого не скажешь.

— Не скажешь, — согласился он. — Остаётся согласие. Его дают словом, подписью или кровью. Вы давали кому-нибудь кровь?

— Только комарам. По дороге сюда.

— Обещали что-нибудь вслух?

— Отцу. Что поступлю.

— Подписывали?

— Регистрационные листы, целую стопку. Как все.

— Регистрационные формы утверждает совет, их подписывает весь набор. — Он потёр переносицу. — Значит, согласие пришло откуда-то ещё.

Пламя в лампе сникло до красной нити и медленно разгорелось снова. Ректор смотрел на лампу дольше, чем за весь вечер смотрел на меня.

— Здесь есть вода? — спросила я.

Он моргнул.

— Кувшин на полке у двери. Бак под ним — электролит.

— А это можно отменить до завтрака?

— Завтрак в семь. Привязь продержится дольше.

— Насколько дольше?

— Прецеденты засекречены. Самая короткая из известных мне продержалась два года.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Статьями.

— Статьи экономят время.

— А если я чихну, вы тоже чихнёте?

— Выясним опытным путём. В другой раз.

Он отвечал на каждый мой вопрос всерьёз, полным предложением, а если у статьи был номер, называл и номер. К полуночи я знала, что электролит пить смертельно, что Отсечение никогда не проводят в одиночку и что кружка в ректорской башне единственная. Он отдал её мне.

Вода в кувшине была ледяная. Я пила кружку за кружкой, пока у меня не застыли пальцы, а потом принялась растирать ладони.

Ректор у дальнего окна вздрогнул и посмотрел на свои руки.

— Ещё раз, — сказал он.

— Что?

— Потрите руки.

Я потёрла. Он стоял на другом конце мастерской, держал ладони перед собой и разглядывал их.

— Тепло, — сообщил он. — Ладони, тыльная сторона, между пальцами. — Он взял с верстака журнал и записал. — В литературе описаны только эмоции.

— А в обратную сторону?

Он подумал. Потом провёл ладонью по волосам, от лба к затылку.

Я почувствовала его пальцы у себя в волосах. Они прошли ото лба назад, раздвинули пряди, задели шпильку и скользнули на шею, под самый воротник. Я дёрнулась и схватилась за затылок, но нащупала только свои волосы и шпильку. Другой рукой я ухватилась за край сиденья и выпрямилась так, что хрустнула спина.

— Это были вы, — сказала я. Голос у меня сел.

— Это был опыт. — Он снова склонился над журналом, и перо заскрипело громче, чем требовалось.

Я попыталась сообразить, что ещё может передаваться, и прикусила нижнюю губу.

Ректор поднял руку и коснулся большим пальцем своей нижней губы. Посмотрел на палец, потом на меня.

— Прекратите.

— Что?

— Кусать губу, Торн.

Он отвернулся и простоял ко мне спиной всё время, пока я перебирала гвозди в ящике на подоконнике. Я раскладывала их по длине, по отцовской науке, и к концу пальцы снова меня слушались.

Когда внизу во дворе протопал ночной обход, у меня затекла шея. Я принялась разминать её ладонью, от уха к плечу, и ректор у окна застыл. Его рука потянулась к шее и замерла на полпути.

— Торн.

— Что?

— У вас затекла шея.

Я убрала ладонь. Он опустил свою.

— И ещё, — сказал он. Пальцы у него на миг коснулись щеки, хотя щека была сухая. — Вы плакали на лестнице. Недолго.

Выходит, до свистка я и правда уложилась. Отец бы меня похвалил. Я уставилась в пол и прикинула, нельзя ли провалиться сквозь него хотя бы на этаж.

— Откуда вы знаете?

— Комиссия голосовала по Додду, и у меня намокли щёки. На губах была соль. — Он помолчал. — Мне пришлось выйти из зала. Леди Эшкрофт догнала меня в коридоре и подала платок.

— А лестница? Откуда вы знаете, что я плакала на лестнице?

— На первом пролёте вы ещё держались. Это я тоже чувствовал.

После этого привязь разболталась. Меня бросало то в жар, то в холод, лампа мигала, а у ректора на виске выступила испарина.

— Её нужно выровнять, — сказал он. — По пульсу носителя.

— Как?

— Дайте запястье.

— Вы сами сказали: ближе, чем на шаг…

— Шаг — правило для вас. У процедуры свои правила.

Он пересёк мастерскую и опустился передо мной на колено, чтобы наши лица оказались вровень. Я ещё ни разу не видела его лицо так близко. Ресницы у него оказались темнее волос, а на виске остался след сажи, который он пропустил, когда умывался. Верхняя пуговица опять была расстёгнута.

Он протянул мне раскрытую ладонь и ждал. Я помедлила и положила в неё запястье. Его пальцы легли туда, где бился пульс, а большой остался снаружи, на косточке. Пальцы были тёплые, с загрубевшими от ожогов подушечками.

— Смотрите на руку, — сказал он. — И слушайте.

Он заговорил медленно, по слову на каждый удар, и я не сразу поняла, что он читает мне наизусть статью о выравнивании, вместе с примечаниями. Голос у него был низкий, и на каждом слове его дыхание касалось моей ладони. Я смотрела на его пальцы у себя на запястье. Потом на его рот, который выговаривал «ритм задаёт маг». Потом снова на пальцы.

— …носитель следует за магом, — говорил он, — не забегая вперёд…

К середине статьи я почувствовала второй пульс. Он бился у меня под кожей рядом с моим, только ровнее, и это был его пульс. Удар за ударом он подтягивался к моему, пока они не сошлись.

Ректор поднял глаза. Мы посмотрели друг на друга, и оба пульса разом сбились и зачастили.

— …ни одна из сторон не ускоряет ход, — произнёс ректор и не сбился ни на слово.

Я уставилась на полку с банками, а ректор — на моё запястье. Так, не глядя друг на друга, мы и добрались до конца статьи и оба сделали вид, что так и было задумано.

— Выровнено, — сказал он и отпустил мою руку.

Он вернулся к окну и по дороге растирал запястье, то самое место, где его пальцы лежали на моём.

Под утро он сел за верстак и долго писал. Потом прочитал написанное вслух, не оборачиваясь.

— Правила. Первое. Не касаться. Под касанием понимается любой контакт кожи с кожей, а также через ткань тоньше плотной шерсти. Исключения: угроза жизни, работа с артефактом, процедура выравнивания по пульсу. Исключения применяются по решению мага, на срок, достаточный для устранения угрозы, и прекращаются… — Он перевернул лист. — …немедленно по её устранении. Второе. Не злиться. Третье. Не лгать.

— Первое правило у вас длиннее всех остальных, вместе взятых.

— Первое правило самое важное.

— А если его нарушат?

— Тогда я узнаю об этом первым.

В щель между ставнями пробился серый свет. Я встала со стула. Сиденье осталось тёплым, теперь уже от меня.

— Почему вы голосовали против?

Перо у него в руке замерло. Он долго смотрел на лист.

— Из всех, кто живёт в этих стенах, моя сила выбрала вас, — сказал он. — Это насмешка. Удача выглядит иначе.

— Насмешка над кем?

— Надо мной.

Я кивнула. Из всей академии ему досталась худшая, и он сообщил мне об этом тем же голосом, каким читал устав над моим запястьем. Прядь опять выбилась из шпильки, я заправила её за ухо, и он отвернулся раньше, чем я опустила руку.

Я положила каталог на край его верстака корешком к нему. До конца черновика мне было ещё далеко.

Ректор отпер дверь, и ключ туго провернулся в замке.

— Вы первая. Я через четверть часа.

Он придержал дверь и остался в проёме, а проём был узкий, и мне пришлось пройти почти вплотную. Он задержал дыхание, пока я протискивалась мимо, и выдохнул, когда я уже ступила на площадку. Тёплый воздух коснулся моей макушки.

Я спускалась и старалась думать о чём угодно, кроме его голоса, и от этого слышала его только отчётливее. На середине лестницы у меня вдруг похолодел лоб. Я остановилась, вцепившись в перила, и поняла, что наверху он прислонился лбом к двери.

Дальше я снова твердила про себя «по недоразумению», чтобы уйти от него злой. Ступени кончились, а злость так и не вернулась.

У подножия лестницы стена откашлялась.

— Запись, — с удовольствием произнесла она. — Ночное пребывание студентки Торн в ректорской башне. С отбоя до рассвета. Основание не указано.

Глава 4

Утром стена в коридоре нашего крыла откашлялась как раз тогда, когда весь первый курс высыпал из комнат на завтрак.

— Запись от минувшей ночи, — объявил Бартоломью. — Зачитывается для всеобщего сведения.

И зачитал. Ту же запись, что я слышала у подножия башни, только громче, с выражением и с паузой перед «до рассвета». Пауза длилась ровно столько, чтобы весь коридор успел повернуться ко мне.

Кто-то присвистнул. Додд, который возглавлял в тетради Тэссы список на отчисление, хлопнул меня по плечу с искренним облегчением.

Персиваль раскрыл блокнот.

— Это нарушение?

— Это сведения, — ответила стена.

— Тогда я их записываю.

Тэсса уже вывела на чистой странице заголовок «Ночь в башне: что это было» и выписала под ним варианты. На каждый уже ставили.

— Какие варианты? — спросила я.

— Наказание, ошибка духа и любовь. — Она подула на чернила. — На любовь почти никто не ставит.

— А кто всё-таки поставил?

— Я. Для разнообразия. — Тэсса захлопнула тетрадь и понизила голос. — Совет просматривает журнал по пятницам. Сегодня среда.

За завтраком она подсела ко мне с кружкой.

— Бартоломью неподкупен. Пробовали и обмануть: последний умник переписывал устав от руки до самого выпуска. Зато у него есть слабость. — Она протянула ладонь. — Пять медяков. Для тебя четыре.

Я выложила медяки на стол, и Тэсса не глядя смахнула их в карман.

— Он обожает спорить о формулировках, — сказала она. — Найди в записи слово, к которому можно придраться, и он забудет обо всём на свете.

Регистратура занимала подвал главного корпуса. Под сводами до самого потолка поднимались стеллажи с журналами, из углов тянуло сыростью, а посередине на пюпитре лежал раскрытый журнал, и чернила в нём ещё блестели.

Ректор меня опередил. Он застыл у пюпитра над пачкой бумаг, гладко выбритый, с зачёсанными назад волосами, и одна прядь всё равно падала ему на лоб.

— Торн, — сказал он, не поднимая глаз.

На этом приветствие кончилось. Ночью этот человек читал устав над моим запястьем.

— Вы здесь зачем? — спросила я.

— Подаю возражение. Запись касается и меня.

— Внесённая запись дополнениям не подлежит, — сообщил голос над пюпитром. — Хоть с основанием, хоть с целым томом оснований. Журнал есть журнал.

Край верхнего листа смялся у ректора в пальцах.

Он посторонился, освобождая мне место у пюпитра. Чтобы читать журнал, мне пришлось наклониться, и рукав его сюртука задел моё плечо. Сюртук у него был из плотной шерсти, а плотная шерсть, по его же правилам, считалась допустимой преградой. Мы всё равно разом шагнули в стороны.

— Бартоломью, — сказала я стене. — У меня вопрос по формулировке.

Стена оживилась.

— По формулировке?

— В записи сказано «пребывание». Что такое пребывание?

— Нахождение лица в помещении. Статья четвёртая, глоссарий.

— Статья четвёртая, пункт второй, — сказал ректор, не отрываясь от бумаг. — «Пребыванием именуется нахождение лица в помещении стоя либо в движении. Нахождение сидя именуется присутствием».

Где-то за стеллажами капала вода.

— Я сидела, — сказала я. — Почти всю ночь. Переписывала каталог повреждений.

— На чём сидели? — поинтересовалась стена.

— На казённом стуле.

Ректор перевернул страницу. Единственный стул со спинкой в ректорской башне принадлежал ему, но числился за академией, так что третье правило я соблюдала целиком.

— Однако по лестнице вы шли, — заметила стена, уже без прежней уверенности. — Туда и обратно. Я слышала.

— Значит, пребывание было, пока я шла по лестнице. А у вас в записи оно длится с отбоя до рассвета. Такого пребывания в ту ночь не было вовсе.

Ладони у меня потеплели, хотя от каменного пола шёл холод, и тепло это было чужое. Я покосилась на ректора. Лицо у него не дрогнуло, зато лампа над пюпитром разгорелась ярче.

— Ночное присутствие… — медленно начала стена. Перо над журналом поднялось само. — Ночное присутствие студентки Торн в ректорской башне…

Лампа над пюпитром погасла. У меня заледенели пальцы. Ректор положил рядом с журналом лист.

— Основание присутствия: решение Попечительского совета об отработке, пункт второй, надзор ректора лично. Копия прилагается.

Перо зависло над страницей.

— Присутствие с основанием есть исполнение решения совета, — с тоской произнёс Бартоломью. — Исполнение решения совета вносить в журнал нарушений… — Он замолчал. — …незачем.

Дверь регистратуры распахнулась. На пороге сиял Персиваль с толстым томом под мышкой.

— Я могу помочь! В редакции устава тысяча сто девяностого года пребывание определено как любое нахождение. Сидя тоже!

Перо над журналом вздрогнуло.

— Редакция девяностого года, — мечтательно протянула стена. — Какая там была формулировка…

Я вцепилась в край пюпитра. Ректор перевернул страницу.

— Отменена в тысяча двести двенадцатом. Переходные положения, статья первая.

— Отменена, — с тяжёлым вздохом согласилась стена. — Прекрасная была формулировка.

За спиной Персиваля возникла Тэсса, взяла его за воротник и вывела в коридор.

— Я хотел помочь! — донеслось оттуда.

— Я знаю, — ответила Тэсса. — Поэтому мы и уходим.

— Запись признаётся некорректно сформулированной, — страдальчески объявил Бартоломью. — Вычёркиваю.

Через запись в журнале медленно проступила чернильная черта. Она прошла от первого слова до последнего и остановилась.

— Мне больно, — добавила стена. — Но точность превыше всего.

Из регистратуры наверх вела лестница со стёртыми ступенями, которые только что вымыли. Я едва начала подниматься, как у меня поехала нога.

Его пальцы сомкнулись у меня на локте раньше, чем я успела взмахнуть руками. Хватка у него была крепкая, а ладонь обжигала даже сквозь рукав.

— Прикосновение к локтю в целях предотвращения падения квалифицируется как помощь, — сообщила стена у меня за плечом. — Пока оно краткое.

Наверху лестницы показалась леди Эшкрофт с папкой.

— Продолжительное прикосновение квалифицируется иначе, — продолжила стена. — А это прикосновение становится продолжительным…

Ректор отпустил мой локоть, убрал руку за спину и сжал пальцы в кулак. Я всё ещё чувствовала на локте его хватку.

Я стояла на мокрой ступени, обернувшись к нему, и его лицо оказалось так близко, что я видела, как у него на шее бьётся жилка. Я смотрела на неё.

Леди Эшкрофт спустилась и остановилась над нами. Она посмотрела на мой локоть, потом на ректора и снова на локоть, хотя на нём уже ничего не было.

— Господин ректор, совет ждёт вас. — Её взгляд перешёл на меня. — Вы, Торн, подождёте в приёмной.

Стены в приёмной совета были обшиты тёмным деревом. Леди Эшкрофт села за свой стол и взялась за перо, я отошла к окну. Ректор скрылся за двойной дверью.

Голос председателя доносился оттуда глухим гулом, зато ответ ректора я расслышала отчётливо:

— Возражаю.

Мягкий голос что-то спросил. За дверью стали отвечать по очереди, и каждый голос говорил «за». Потом стукнул молоток.

— Большинством голосов. Возражение отклонено.

У меня загорелись ладони. Его злость доходила до меня через дверь и всю приёмную. Я прижала ладони к холодному подоконнику. Леди Эшкрофт подняла голову от бумаг и посмотрела на мои руки.

— Вам дурно, Торн?

— Мне жарко.

Она перевела взгляд на двойную дверь и не сводила с неё глаз, пока за ней снова не стукнул молоток.

Ректор вышел, положил на подоконник рядом с моими ладонями выписку из решения и молча ждал, пока я прочитаю.

«Куратор студентки Торн, состоящей под особым надзором Попечительского совета: ректор лично. Занятия по расписанию куратора».

Значит, «возражаю» за дверью относилось ко мне. Вчера он голосовал против моего зачисления, сегодня возражал против занятий со мной. Теперь мне предстояло проводить вечера с человеком, которому никак не удавалось от меня избавиться.

Он взял у леди Эшкрофт чистый бланк и стал писать прямо на подоконнике.

— Приказ о кураторской связке, — сказал он, не поднимая головы. — Устав разрешает куратору связать практику поднадзорного студента со своим резервом. Связь слабая, на время и только по приказу. Побочные действия описаны в статье тридцать восьмой: общие эмоции, мелкие сбои заклинаний.

Он расписался. Общие эмоции и мелкие сбои — значит, лампа, погасшая утром над пюпитром, с этой минуты называлась статьёй тридцать восьмой.

— А моя подпись?

— Это приказ куратора. Ваша подпись здесь лишняя.

Наконец-то нашлась бумага, которую мне незачем подписывать.

Леди Эшкрофт приняла приказ, поставила на нём входящий номер и аккуратно подшила в папку.

К обеду на любовь у Тэссы ставила уже не она одна.

— Стена на всю лестницу объявила, что ректор держал тебя за локоть, и принялась объяснять, когда такое прикосновение перестаёт быть обычной помощью, — рассказала Тэсса.

Вечером я наткнулась на него в пустом коридоре у библиотеки. Он шёл мне навстречу со стопкой книг, увидел меня и замедлил шаг. Он успел снять сюртук и снова закатать рукава рубашки. Я остановилась на расстоянии шага.

— Вы вошли в горящий зал, — сказала я. — Вы возражаете председателю совета. А от одной строчки в журнале у вас гаснет лампа. Почему?

Он молчал. Я подождала, сколько хватило терпения, развернулась и пошла к лестнице.

Он поймал меня за руку.

Книги посыпались на пол. Его ладонь накрыла мою целиком, пальцы легли мне на костяшки. Тепло поднялось по моей руке к плечу, потом к ключице, и я забыла, куда шла.

Я обернулась. Он стоял близко, ближе шага, и смотрел на меня сверху вниз.

— Такую привязь я видел однажды, — сказал он. — Девушка умерла на четвёртом курсе.

Ладонь у него оставалась горячей. А под рёбрами у меня похолодело, и этот холод шёл от него.

Только теперь он опустил взгляд на наши руки. Его пальцы всё ещё держали мои и не разжимались.

Глава 5

— Как её звали? — спросила я.

В стене над нами кто-то откашлялся. Ректор отпустил мою руку. Тепло уходило из неё медленно: сначала из пальцев, потом из ладони, и дольше всего держалось в запястье.

— Здесь что-то упало? — подозрительно осведомилась стена. — Я был в южном крыле.

— Книги, — ответил ректор.

Он нагнулся и собрал их по одной, а выпрямившись, вынул из кармана сложенный лист.

— Расписание кураторских занятий. По понедельникам, средам и пятницам, два часа после отбоя. Мастерская в башне.

Он вложил лист мне в пальцы и ушёл, так и не ответив.

Всю следующую неделю я задавала ему тот же вопрос, где бы ни поймала, а он отвечал мне поправками к расписанию. В среду я спросила его у доски объявлений, и он сообщил, что в пятницу занятие начнётся на четверть часа позже. В пятницу я догнала его в коридоре, и он, не сбавляя хода, ответил, что понедельник остаётся без изменений.

Я спросила и Тэссу и положила перед ней медяк. Тэсса, которая торговала всем, от мест в очереди до чужих секретов, пододвинула медяк обратно ко мне.

— Студентов того времени здесь не осталось, — сказала она. — А преподаватели на этот вопрос сразу вспоминают про срочные дела. Все до одного.

Первое занятие, в понедельник, началось с колоколом к отбою. Ректор встретил меня в рубашке и расстёгнутом жилете. Он вернул мой стол на прежнее место, к окну в дальнем конце мастерской, а себе оставил верстак у двери, так что между нами оказались Сердце под чехлом и вся мастерская.

Я разозлилась почти сразу.

На моём столе ждал простейший учебный контур. Ректор хотел, чтобы я вывела для него формулу. Я хотела сначала послушать контур.

— Сначала формула, Торн.

— Сначала я его послушаю.

— Формула.

— Она у меня в пальцах.

— Тогда перенесите её из пальцев на бумагу.

Я наклонилась и прижалась к контуру ухом. Кольца гудели ровно, на одной ноте. Ректор молчал слишком долго. Я подняла голову и поймала его взгляд у себя на шее, там, где из-под шпильки выбились волосы. Он уткнулся в журнал, а кожа там у меня потеплела.

— Торн. Бумага.

Я стиснула зубы, и пламя горелки на его верстаке ударило вверх, до самой балки. Ректор прикрутил вентиль и сделал пометку в журнале.

— Второе правило, — сказал он.

Я переписывала формулу снова и снова. Когда я в очередной раз ошиблась, он потёр переносицу, и у меня онемели пальцы, от самых кончиков до середины. Перо выпало и покатилось по столу.

— Это вы, — сказала я.

— Это я, — согласился он.

Он посмотрел на мои руки, потом на свои и, не вставая из-за верстака, принялся растирать собственные пальцы, по одному, от основания к кончику, с нажимом, никуда не торопясь.

Пальцы начало покалывать, потом они постепенно согрелись. Ректор находился на другом конце мастерской и растирал собственные руки, но каждое движение его большого пальца я ощущала на своей коже.

Он склонил голову, и я заметила, что волосы у него на затылке слегка вьются. Когда он добрался до безымянного пальца, я невольно задержала дыхание. И только когда перешёл к мизинцу, наконец выдохнула.

— Первое правило, — сказал он. — Нарушено.

— Вы ко мне даже не подошли.

— Нарушено, — повторил он, не поднимая головы.

Потом он долго объяснял мне устойчивость замкнутого контура, мелом на доске, и где-то на середине я перестала понимать.

— Поняли? — спросил он.

— Поняла.

Ректор поморщился и тронул языком нёбо.

— Горько, — сообщил он. — Когда вы врёте, вам стыдно, Торн. А стыд у вас горький.

Он вписал в журнал третье правило. Когда я уходила, журнал лежал раскрытым на краю его верстака, у самой двери, и я прочитала вверх ногами: «Занятие первое. Нарушены правила: первое, второе, третье».

По пятницам в общежитии давали горячую воду. Персиваль опять построил очередь в ванную по алфавиту, а до буквы «Т» горячей воды не хватало никогда. Тэсса ещё утром выкупила место у первокурсницы на «А» и перепродала его мне за два медяка.

Ванна была чугунная, на львиных лапах. Я опустилась в воду по подбородок. Жар поднялся от ступней к коленям, к животу, к груди, спина у меня наконец разогнулась, и впервые за неделю в голове осталась одна вода. Пар оседал каплями на стенах и стекал вниз.

Я почти задремала, когда дверь распахнулась и в пар шагнула Тэсса.

— Ты слышала? Мор посреди заседания совета расстегнул воротник. И велел открыть окна. В октябре! Председатель спросил его, здоров ли он. Леди Эшкрофт открывала окна собственноручно, а он сидел и обмахивался протоколом.

Он чувствовал эту воду. Всю, от ступней до подбородка.

Я сползла в ванну по самый нос.

— Ты чего такая красная? — прищурилась Тэсса.

— Вода горячая.

Потом меня пробрал холод. Он прошёл по плечам, по спине, по животу, хотя вода вокруг не остыла и пар по-прежнему клубился под потолком. Зубы у меня застучали о край ванны.

Я представила себе ректора под струёй ледяной воды и тут же запретила себе это представлять. Холод отступил было и тут же вернулся ещё сильнее. Судя по всему, ректор открыл кран до упора.

— У тебя губы синие, — сказала Тэсса.

— Сквозняк.

Она посмотрела на закрытое окно, потом на меня и молча сделала пометку в тетради.

На занятие ректор пришёл с влажными волосами, и на воротнике у него темнело мокрое пятно. Он сел за верстак, раскрыл журнал и, не отрывая от него глаз, произнёс:

— Четвёртое правило. Горячие ванны — строго после полуночи.

Кончики ушей у него порозовели.

— А после полуночи что, проходит?

— После полуночи я сплю, Торн. — Он перевернул страницу. — Как правило.

— А если мне пропишут ванны? По здоровью?

— Тогда вы принесёте мне рецепт.

На следующей неделе боевой факультет тренировался во дворе. Мы с Тэссой сидели на ступенях с конспектами, и конспекты лежали у нас на коленях закрытыми.

— Джулиан Фэрроу, — сообщила Тэсса. — Второй курс, боевой. На него ставит весь поток. Я ставлю против.

Джулиан Фэрроу крутил шест посреди двора. Он скинул камзол, ворот рубашки у него был распахнут, светлые волосы падали на глаза, и улыбался он сразу всем, кто на него смотрел. Я смотрела. Он поймал мой взгляд и подмигнул, и я улыбнулась в ответ.

На балконе ректорской башни, через весь двор от нас, вспыхнул огонёк, и над перилами поднялся дымок.

Тэсса приставила ладонь козырьком ко лбу.

— У Мора перо горит, — с интересом сказала она.

На вечернем занятии у ректора было новое перо. В мастерской стояла духота, хотя окна были открыты. Ректор объяснял мне задачу от дальней стены, и голос у него звучал ровнее обычного.

— Посторонние реакции носителя создают помехи в связке, — сказал он под конец. — Исключите их.

— Какие реакции?

— Посторонние.

— Например?

— Например, во дворе. Около четырёх часов пополудни.

Как раз тогда я смотрела, как тренируется боевой факультет. Я думала об этом, пока он ждал ответа, и решила, что боевая магия, видимо, мешает связке. Надо будет спросить у Тэссы.

От духоты я расстегнула верхнюю пуговицу воротника. Взгляд ректора задержался на ямочке между моими ключицами, и он переломил перо пополам.

— Застегните, Торн.

— Мне жарко.

— Мне тоже.

Я застегнула воротник. Он бросил обломки пера в ящик, к сгоревшему перу.

Тэсса выслушала меня и открыла в тетради новую страницу. «Мор ревнует». Охотников поставить на «да» пока не нашлось.

— К кому? — спросила я.

Она посмотрела на меня с жалостью и выложила на страницу три медяка.

— Это ты на что?

— На то, что ты поймёшь последней. Тут я поставлю одна.

Леди Эшкрофт догнала меня на лестнице главного корпуса. Она поднималась на ступень выше и говорила, глядя перед собой:

— Он уже терял студентку. Постарайтесь остаться в живых.

И ушла наверх раньше, чем я успела спросить, угроза это или совет.

Промежуточный зачёт по травологии назначили на четверг. Травология была единственным предметом в Аркенхольме, где всё решала память, а руки только держали горшок.

Зачёт принимали в оранжерее. Там стояла влажная жара, по стёклам сбегали капли, а сквозь стеклянные стены был виден весь двор с амфитеатром посередине. По четвергам ректор читал там открытую лекцию для всех, у кого выдался свободный час, и в тот четверг на скамьях не осталось свободных мест.

Мне достался ряд горшков с корнями. За соседним столом Персиваль называл свои корни вслух, по-латыни, с ударениями, а экзаменатор кивал ему с нежностью. Я узнала из своих только те, что росли за отцовской лавкой в Тёрнбруке.

Я разглядывала ректора чаще, чем корни. Рукава у него были закатаны, и даже сквозь стекло я видела, как напрягаются его предплечья, когда он поднимает руки. На корнях это сказывалось.

Ректор поднял над амфитеатром демонстрационный щит во всю ширину двора. Щит засветился голубым, сквозь него проступало небо, и на скамьях ахнули.

Я перепутала корни в соседних горшках. Ладони у меня вспотели, горшок заскользил в пальцах, и из головы вылетели даже тёрнбрукские. Экзаменатор что-то говорил, а я не разбирала ни слова.

Щит над амфитеатром мигнул. Потом погас.

Весь амфитеатр видел, как у ректора Аркенхольма пропал щит. Двор изумлённо загудел. Потом на верхних скамьях кто-то засмеялся, за ним засмеялись соседи, и вскоре хохотали все ряды, сверху донизу.

Ему хватило бы одного слова: «помехи», или «связка», или моя фамилия. Со скамей было видно, как я сижу за стеклом с горшком в руках.

В день испытания он при всём наборе назвал меня недоразумением. Теперь у него появились повод и полный амфитеатр свидетелей.

Ректор опустил руки. Он собрал бумаги с кафедры, выровнял стопку по краю и размеренным шагом ушёл из амфитеатра под смех.

В окне второго этажа, где заседал совет, кто-то стоял. Отсюда было не разглядеть лица. Двор хохотал, а силуэт в окне не двигался и смотрел вниз.

Я поставила горшок на стол экзаменатора и вышла.

— Торн! — понеслось мне вслед. — Зачёт! Пересдача только с разрешения совета!

Я бежала через двор и догнала ректора в крытом переходе к башне. Он слышал меня и шёл дальше. Я пошла следом, в шаге позади, по правилам.

Листы у него в руке дрожали и шуршали. Его трясло, и через привязь эта дрожь добиралась до моих пальцев, так что я спрятала руки в рукава.

Переход тянулся долго. На полпути ректор переложил бумаги в другую руку, и я увидела его профиль: челюсть сжата, взгляд упёрт в пол перед собой. Я не отставала. Протяни я руку, я коснулась бы его спины. Руки остались в рукавах.

В конце перехода начиналась лестница башни. Он поднялся, не оборачиваясь, а я осталась внизу. С каждым пролётом его дрожь в моих пальцах слабела, и под конец в них осталась одна усталость.

Я стояла, пока не ушла и она, и только на пороге общежития вспомнила о зачёте.

Перед отбоем под дверь нашей комнаты подсунули записку. Почерк был ректорский, с наклоном вправо.

«Ст. Торн. Пятничное занятие переносится на субботу».

Короче моей фамилии не придумаешь. Он написал её с ошибкой и зачеркнул, начал заново и снова зачеркнул, и так раз за разом, пока она наконец не вышла правильной.

Я провела пальцем по зачёркнутому. Буквы под чертами скакали, а в одном месте перо прорвало бумагу насквозь.

Глава 6

С четверга я носила в кармане собственную фамилию, зачёркнутую раз за разом.

Я взялась разбирать зачёркнутое в ту же ночь, при свече. Под одной чертой стояло «Тонр», под другой «Торр», ещё одна попытка обрывалась на «То», и как раз там перо прорвало бумагу. Человек, который выводил формулы седьмого порядка без единой помарки, спотыкался на фамилии, короче которой не придумаешь.

— Свеча — медяк в час, — сообщила Тэсса из-под одеяла.

Я задула свечу, но записку так и продержала в кулаке до утра.

В пятницу за завтраком второкурсник за соседним столом поднял над кашей ладони, изображая щит, а потом со стоном уронил их в тарелку. Соседи по столу захохотали. Я отодвинула кашу, и Тэсса молча придвинула мне свой хлеб.

— Потом сочтёмся, — сказала она.

До самого вечера я бегала к доске объявлений искать приказ о своём отчислении. Я бросила зачёт посреди оранжереи, и мне вслед успели крикнуть, что пересдача только с разрешения совета. Если меня отчислят, отец так и останется без лицензии, а в тетради Тэссы я обгоню Додда. Приказа так и не вывесили.

В субботу утром Тэсса влетела в комнату прямо от доски объявлений.

— Тебе разрешили пересдачу. Решение совета. — Она села на свою кровать и нахмурилась. — Совет не разрешает пересдач. Я на это ставила и только что проиграла всё до медяка.

Я вспомнила, как председатель совета опустился на колено посреди моих рассыпанных инструментов и сжал мои пальцы поверх отцовского ключа. Значит, он помог мне ещё раз.

Весь день записка пролежала у меня в кармане, а рука на записке: в очереди в столовую, в библиотеке, на лестнице. К обеду Тэсса это заметила, открыла тетрадь на странице «Мор ревнует» и вписала в пустой столбик «да» своё имя.

Перед отбоем меня перехватил в коридоре Персиваль. Под мышкой он держал тетрадь в клеёнчатой обложке, и на обложке было выведено: «Учёт. Экземпляр первый».

— Торн. Тебе разрешили пересдачу. Я поднял все журналы, какие нашлись в архиве, и такого не было ни разу. — Он поправил очки и раскрыл тетрадь. — Это первое. Теперь второе.

Его палец пополз вниз по столбику. Против моей фамилии стояли время и слово «выход», строкой ниже снова моя фамилия, время и «возвращение», и так до самого низа страницы.

— Все записи после отбоя, — сказал Персиваль.

— Это кураторские занятия. Их назначил совет.

— Совет назначил занятия по расписанию куратора. Про время после отбоя в решении нет ни слова. — Он подчеркнул строку ногтем. — А вот ночь в башне. Здесь записан только выход. Ты вернулась после подъёма, а я не учитываю возвращений после подъёма. Это было бы нечестно.

Он закрыл тетрадь.

— Комиссия по нравам при совете заседает в последний четверг месяца. Я сдам ей тетрадь на ближайшем заседании. Все экземпляры. Правила есть правила.

— Персиваль, ты вообще спишь?

— С полуночи до шести. Кроме дежурств.

— Я подумаю, — пообещала я.

— О чём?

— Как тебе это объяснить.

Ударил колокол к отбою. Персиваль полез в карман за карандашом, и я бросилась к башне, пока он его не нашёл.

Я неслась вверх по лестнице, но ступеней в ректорской башне меньше не стало, и я всё-таки опоздала.

Ректор ждал у окна на своей стороне мастерской, у самой двери. Он задвинул мой стол ещё дальше, в угол, к последнему окну. Пока я добиралась от двери до стола, я успела снять плащ, перекинуть его через руку и пожалеть, что не осталась с Персивалем.

— Вы опоздали, — сказал он оконному стеклу.

— Меня задержал староста.

Он не спросил зачем. На моём столе ждал учебный контур, и третье кольцо в нём качалось на оси.

— Контур четвёртого порядка. Найдите делитель для третьего кольца.

Он расстегнул манжету и закатал левый рукав, потом правый. По моему левому запястью прошла прохлада и поднялась к локтю, следом такая же прошла по правому. Я натянула рукава до самых пальцев. Ректор посмотрел на свои руки, застегнул верхнюю пуговицу рубашки и больше к рукавам не прикасался.

Он объяснял от окна, не оборачиваясь. Голос у него был низкий, Сердце под чехлом гудело на своей ноте, в рамах свистел ветер, и до меня долетали одни обрывки.

— Делитель равен отношению витков к… — сказал он.

— К чему?

— К сопротивлению контура, умноженному на…

— Дальше не слышно.

Он повернулся ко мне и повторил громче. Тон остался служебным, только теперь его слышала вся мастерская.

— Умноженному на поправку третьего порядка.

— На какую поправку? — переспросила я, хотя на этот раз всё расслышала.

— НА ПОПРАВКУ ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА, ТОРН.

Банки на полке звякнули. Внизу на лестнице отозвалось эхо, и вскоре в дверь постучали.

— Господин ректор, — сказала дверь голосом Бартоломью. — Шум после отбоя. Лестница находится в ведении журнала.

— Принято, — ответил ректор.

— Кроме того, южное крыло теперь знает про поправку третьего порядка. Южное крыло спит.

— Принято.

Оскорблённое покашливание удалилось вниз по лестнице.

— Вы можете подойти, — сказала я. — По правилу хватит и шага. Вы слишком далеко.

— Нет.

Он взял мел и принялся писать на доске у двери, крупно, чтобы мне было видно от окна. Формула заняла доску с обеих сторон. Ректор развернул доску ко мне и вернулся к окну.

Я взялась за расчёт, сбилась, начала заново и опять сбилась. Кольцо всё качалось. Тогда я наклонилась к контуру и прислушалась. Третье кольцо гудело на полтона ниже остальных. На испытании на ту же ноту гудело третье кольцо Сердца.

Я стукнула по нему костяшкой. Кольцо село на ось и загудело ровно.

Ректор отошёл от окна к своему верстаку, раскрыл рабочий журнал и что-то записал.

— Как? — спросил он, не поднимая головы.

— Постучала.

— Куда?

— Туда, где гудело.

— Запишите формулой.

— Формулой «постучала»?

— Формулой того, что вы сделали.

Я обмакнула перо и не знала, с чего начать. Я злилась на формулу, на кольцо, на доску, исписанную с обеих сторон, и пламя в лампе на его верстаке поднялось до самого стекла.

— Второе правило, — сказал ректор.

Я пришла спросить его про записку и про четверг, но стоило мне открыть рот, как он называл следующее кольцо. В кармане у меня под ладонью шуршала бумага.

— Почему вы промолчали в четверг? — спросила я наконец.

— Тема занятия — контур четвёртого порядка.

— Вам хватило бы одного слова: «помехи», «связка» или моя фамилия.

— Делитель для второго кольца, Торн.

— Над вами смеялся весь амфитеатр.

— Кроме леди Эшкрофт, — сказал он, не отрываясь от журнала. — Она вела учёт смеявшихся. Делитель.

Теперь я злилась на него. Он стоял у верстака через всю мастерскую от меня, спиной к окну, за которым лежал тот самый двор, и не давал мне сказать даже «спасибо». Лампа на верстаке вспыхнула белым, у него на скуле дёрнулась мышца.

Я посмотрела на доску. Я почти ничего не понимала в формуле, хотя каждую букву было видно от окна. Из-за меня его щит погас на глазах у всего амфитеатра. Я перепутала даже тёрнбрукские корни, которые знала с детства. Я не могла записать собственный стук. У отца в лавке стоял ящик, на котором мелом было написано «брак». Что туда попадало, того обратно не доставали.

Я злилась на себя так, что горело лицо.

И привязь распахнулась.

Это длилось совсем недолго. Его чувство пришло ко мне целиком, без слов, всё сразу. Сначала пришло тепло. Я вспомнила это тепло: на испытании оно шло сквозь мои пальцы в контур, а теперь шло в меня. Оно поднялось из-под рёбер к горлу, залило плечи, дошло до кончиков пальцев, и его оказалось так много, что мне стало нечем дышать. Колени у меня подогнулись.

В этом тепле была я: моя костяшка на третьем кольце, прядь, выбившаяся из-под шпильки на шею, «Не знаю» в моём экзаменационном листе. Он помнил каждую мелочь, и от каждой ему становилось тепло. А глубже я почувствовала, сколько сил у него уходит на то, чтобы держать всё это внутри.

Я отшатнулась от стола. Табурет опрокинулся и загрохотал по полу.

Ректор поставил блок. Привязь захлопнулась разом, и у меня потемнело в глазах. Я зажмурилась и ждала, пока темнота разойдётся.

Когда я открыла глаза, он был уже у двери. Лицо у него побелело, пальцы стискивали дверную ручку.

— Занятие окончено.

Он вышел, не собрав бумаг. Дверь за ним не закрылась до конца, осталась узкая щель. Его шаги побежали вниз через ступень и где-то на середине лестницы смолкли. Я замерла. Потом шаги двинулись дальше и стихли.

Я подняла табурет. Руки у меня ещё не остыли, хотя привязь молчала.

Я уже знала, как выглядит жалость. Когда у отца отозвали лицензию, соседка Марта принесла нам горшок супа. Она стояла в дверях лавки со слезами на глазах, пока отец не поблагодарил её. Потом он сел у окна и молча съел суп, ложку за ложкой. До самого вечера не проронил ни слова.

Ректор весь вечер наблюдал, как я мучаюсь, пытаясь записать собственный стук формулой, а в четверг через привязь чувствовал, как я путаю корни. Конечно, ему было меня жаль.

Он запомнил прядь, потому что она вечно выбивалась у меня из-под шпильки. Отец тоже замечал каждую мелочь в деталях из ящика с надписью «брак»: где скол, где трещина, почему

не встала в паз. Наверное, ректор так же хорошо видел все мои недостатки. Просто не говорил об этом. И мне совсем не хотелось, чтобы он меня жалел.

Хуже всего, что в тот короткий миг мне было хорошо. Я стояла посреди ректорской мастерской, злилась на себя за то, что обрадовалась чужой жалости, и лицо у меня снова горело.

Я по привычке отнесла лист с неудачными попытками к его верстаку и положила на край. И увидела ключ.

Он лежал среди бумаг на сложенном платке. Отцовский ключ, камертонный, с вилкой на конце, тот самый, что выскользнул у меня из кармана на испытании и пропал в пламени. Сажи на нём не осталось, вилка блестела, а стёртую насечку на рукояти кто-то прорезал заново.

Я развернула платок. В углу серой ниткой было вышито «К. М.».

Я тронула вилку ногтем. Ключ отозвался тонким звуком, той самой нотой, на которую его настраивал отец и которой я не слышала с испытания. Ноги у меня ослабли, и я опустилась на край его стула.

Он нашёл ключ в золе, вычистил, прорезал насечку и завернул в свой платок. Снова из жалости.

Рядом с ключом лежал раскрытый рабочий журнал. Я узнала почерк с наклоном вправо. Под сегодняшним числом стояло «Занятие девятое», а ниже единственная строка:

«Метод Торн. Воспроизведению не поддаётся».

Я перечитала её. Это было про стук, про мою костяшку на третьем кольце. Он записал это сразу, как только я постучала, ещё до того, как спросил «Как?».

Под строкой оставалось пустое место, а ниже стояла ещё одна запись. Он зачёркивал её раз за разом, с таким нажимом, что бумага под чертами пошла волнами. Буквы всё равно проступали.

«Не смотреть на неё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.